

Всеволод Иванов. Литература Сибири

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2410-7883-2019-1-7-17

Е. А. Папкина

*Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН
Москва*

Сны о будущем в прозе Всеволода Иванова 1920–1930-х годов

Рассмотрена идейно-эстетическая роль снов о будущем в произведениях Всеволода Иванова разных лет, раскрыты их смысловые константы. Определены функциональные различия между светлыми мечтами персонажей Иванова о будущем и снами, где будущее предстает то в виде зловещей антиутопии, то в пародийном по отношению к установкам эпохи ключе. Выявлены реальные контексты и литературные параллели созданного писателем образа будущего, в целом углубляющие понимание прогностической мысли русской прозы первой трети XX в.

Ключевые слова: сны о будущем, мечты, смысловые константы, антиутопия, пародия, установки эпохи, реальный контекст, литературные параллели.

Сны в литературе советской эпохи как структурный элемент художественного произведения изучены мало. Н. А. Нагорная в монографии «Онейросфера в русской прозе XX века. Модернизм, постмодернизм» пропускает советский период и рассматривает сферу сновидений только «в символистской прозе конца XIX – начала XX в., в модернистской прозе А. М. Ремизова первой половины XX в. и в постмодернизме второй половины XX в.» [Нагорная, 2006, с. 5]. Сновидения в литературе советской эпохи посвящена кандидатская диссертация О. Ю. Славниной «Поэтика сновидений (на материале прозы 1920-х годов)» (СПб., 1998), где некоторые произведения Вс. Иванова рассмотрены наряду с тестами И. Бабеля, Ю. Олеши, Е. Замятина, К. Вагинова, В. Каверина, Д. Хармса, М. Булгакова, А. Платонова, однако автор работы ограничивает круг своих наблюдений только 1920-ми годами. Рассмотренные нами тесты Всеволода Иванова разных лет, в которых представлен образ будущего, в большинстве случаев прямо названы снами, лишь в рассказе «Странный случай в Теплом переулке» один из персонажей отрицает тот факт, что увиденное приснилось: «Какой же это сон? Снов мы не запоминаем, нам некогда» [Иванов, 1935, с. 10], однако ни он, ни рассказчик не склонны «искать причины того, откуда возникло это странное видение будущего города» [Там же, с. 9].

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (ул. Поварская, 25а, Москва, 121069, Россия, elena.iv@bk.ru)

ISSN 2410-7883. Сюжетология и сюжетография. 2019. № 1. С. 7–17.

© Е. А. Папкина, 2019

Самый первый в творчестве Вс. Иванова сон о будущем появился в одном из ранних сибирских рассказов, входящих в цикл «Легенды об ушедшей Сибири», – «Сон Ермака» (1916). Контекст сна сибирский, но, думается, его идея имеет характер не только региональный. Покорителю Сибири представляется во сне эволюция человеческого рода: дикарь в звериной шкуре постепенно растет, становится «светлым, сильным и гордым» (возможно, отсылка к «гордому человеку» А. М. Горького, именно в 1916 г. Иванов посылает ему первое письмо), у него появляются «невидимые железные чудовища», которыми он «режет землю». Выше облаков растет «большой, гордый и красивый человек», но он погибает, «растерзанный людьми, похожими на волков». Мудрый аксакал Тимирбей, посланец побежденного монгольского хана, раскрывает Ермаку смысл сна: новый человек, соединивший силу Запада и мудрость Востока (возможно, отсылка к областнической концепции Н. М. Ядринцева), становится великаном, создает цивилизацию. Но, говорит аксакал, вы, «люди-волки, <...> растерзаете свою родину <...> Нужно нежно относиться к земле, ибо это мать ваша; но вы не сыны ее, <...> вы <...> – пасынки земли... Захватят землю вашу, отнятую от нас, чужеземцы, и вы будете рабами, как мы сейчас...» [Неизвестный Всеволод Иванов..., 2010, с. 44].

Рассматривая творческий путь Всеволода Иванова, создателя жесткой, почти натуралистической прозы о Гражданской войне и фантастических рассказов (они писались в разные годы, в основном «в стол»), можно сказать, что мысли о будущем, с которыми входил в литературу двадцатилетний писатель, претерпевая изменения, рожденные социально-политическими иллюзиями и утопиями эпохи – трагического XX века, к концу 1930-х гг. существенно не изменились.

Развернутые сны о будущем мы находим в двух рассказах Иванова: «Происшествие на реке Тун» (1925) и «Станный случай в Теплом переулке» (1935), а также в дневниковых записях 1937 и 1938 гг.

Оба рассказа имеют странно похожую издательскую судьбу: после первой журнальной публикации (оба – в журнале «30 дней»), с разницей в 10 лет, они при жизни писателя (за исключением небольшой книжечки «Происшествие на реке Тун», 1926 г.), не переиздавались. «Станный случай в Теплом переулке» напечатан посмертно в сборнике «Пасмурный лист» (М.: Правда, 1987), рассказ «Происшествие на реке Тун» после 90-летнего перерыва впервые переиздан в журнале «Особняк» (2016. № 4).

Образ будущего в рассказах маркирован двумя признаками. Первый – это необычайный технический взлет. Обращает на себя внимание прежде всего образ «огромного экрана», на котором «солдаты читают последние новости вселенной», в тексте 1925 г. [Всеволод Иванов..., 2018, с. 306] и образ аналогичной ему «овальной рамы, величиною в два человеческих роста», укрепленной на «морских столбах», где перед глазами ученых из прошлого всплывает рельефная карта изменившейся Европы, в тексте 1935 г. [Иванов, 1935, с. 6]. Вторая черта будущего в представлении Иванова – продолжающаяся борьба с «врагами», которые должны быть уничтожены, в «Происшествии на реке Тун» этому делу весьма способствуют технические достижения.

Фантастика Иванова здесь существенно отличается от близких в жанровом отношении произведений 1920-х гг. (романа «Аэлита» А. Н. Толстого, например), где жестокость является прерогативой только «врагов». События, описанные в рассказе «Происшествие на реке Тун», происходят зимой 1919 г., во вставном эпизоде – сне героя, красного комиссара и поэта Хабиева, – в будущем, во время «последней революции». В необычайно высоком – в 100 этажей – светящемся здании на острове (показательно, что в утопических легендах на острове обычно помещается блаженная страна) неуклюжие «слонообразные или, вернее, утюгообразные» аппараты, кончающиеся хоботом, сначала убивают врагов – «белых»,

а потом уничтожают трупы «узкой струей огня» из другой машины. Внезапно с юга нападают «неприятельские дирижабли», недавние победители, сразу потерявшие всякое величие, «мечутся среди обломков и щеп», а комиссар «предает революцию» – крадет аэроплан, пытается увезти двух «детенышей» врага в неизвестную страну, где «чужое солнце необычайных размеров встает из-за моря», но погибает от руки «товарища» [Всеволод Иванов..., 2018, с. 302–309].

Два центральных персонажа: комиссар Хабиев, рассказывающий свой сон герою-рассказчику, и сам рассказчик, красноармеец, – выступают в тексте как двойники («односмутники» – не случайно называет их часовой; возможно, отсылка к «Очеркам русской смуты» А. А. Деникина), их мысли и судьбы в рассказе тесно переплетены, и можно предположить, что перед нами переживания и размышления одного человека, не способного принять кровь и жестокость, отцеубийство и братоубийство Гражданской войны (один из «врагов», как становится ясно впоследствии из слов невесты Хабиева Вари, – отец комиссара, беженец, а «детеныши» – его братья).

Важно отметить, что мужики-партизаны в созданных в те же 1920-е гг. и принесших Иванову славу «партизанских повестях», также посвященных событиям Гражданской войны, видели будущее совершенно иначе. «Будут же после нас люди хорошо жить? – спрашивал партизанский командир Вершинин и сам же кратко отвечал: – Вот и все» [Там же, с. 75].

От мужиков, верящих в хорошую будущую жизнь, самого Иванова отличает многое. Разыскания последних лет в сибирских архивах и региональной периодике показали, что молодой писатель на протяжении ряда лет не просто являлся свидетелем и участником Гражданской войны, но видел «правду» и заблуждения разных противостоящих друг другу сил. Так парадоксально сложились обстоятельства, что Иванов в период 1917–1920 гг. общался с представителями различных социальных слоев (мужиками-солдатами, казаками, интеллигенцией), партий и политических направлений – от участников большевистского подполья до областников и убежденных сторонников «белой идеи». Весной 1917 г. Иванов член партии эсеров, с осени 1917 до лета 1918 г. – социал-демократов-интернационалистов. Летом 1918 г., когда возникает угроза мятежа чехословацкого корпуса, он красногвардеец, защищающий Советскую власть в Омске. На протяжении 1919 г. в белой столице он участвует в изготовлении фальшивых паспортов для большевистского подполья, является рабочим типографии и военным корреспондентом фронтовой («белой») газеты «Вперед», посещает заседания литературно-художественного кружка «Единая Россия», поддерживает идеи Учредительного собрания и Земского совещания, направленные на демократизацию власти А. В. Колчака (подробнее см.: [Там же, с. 340–361]). Представленный в рассказе «Происшествие на реке Тун» образ будущего позволяет высказать предположение, что, пережив за короткий промежуток времени стремительную смену нескольких правительств: Временного правительства, Советской власти, Временного Сибирского правительства, Директории (Временного Всероссийского правительства), Омского правительства адмирала А. В. Колчака и вновь Советской власти, – из которых ни одно не показало себя подлинно народным, Иванов не очень верил в то, что когда-нибудь люди будут «хорошо жить».

Объясняя «страшный уклон» в прозе Иванова середины 1920-х гг., критики и на родине, и за ее пределами, в сущности, были недалеки от истины. «Точно тень упала на творчество Иванова, и он заговорил о том, что жизнь, за которую шли умирать и убивать его могучие партизаны, не заслуживает ни восторгов, ни подвигов» [Слоним, 1933, с. 72], – писал в 1933 г. Марк Слоним.

С начала 1930-х гг. многое изменяется в биографии и творчестве Вс. Иванова, он сам начинает принимать активное участие в общественно-литературных про-

ектах А. М. Горького, направленных на созидание будущего новой, Советской России («История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Люди пятилетки»). Существенно меняется и тональность его произведений, однако образ будущего по-прежнему вселяет в душу писателя сильные сомнения. Здесь также отметим различие в мечтах и снах разных ивановских персонажей.

В романе «У» (1933), опубликованном только в 1990 г., в основном представлены картины уходящей жизни – московский дом-притон, где герой-авантюрист пытается вербовать рабсилу на строящийся уральский завод. Будущая жизнь, противопоставленная уходящей, рисуется ярко только в одном эпизоде романа, когда «секретарь большого человека» Егор Егорович, от лица которого в тексте романа ведется повествование, рассматривает чертежи строящегося на Урале металлургического комбината. Перед его изумленным взором проходят баня, в которой можно «выжать из человека грязь, пот и мерзость», дома «с газом, лифтами, разноцветными клумбами», «библиотечный зал в клубе», где «все читают», играют в шахматы, дети занимаются в чудесном детском театре; «чистые улицы, залитые светом, прямые голубые горы, леса вокруг, полные грибов и ягод» [Иванов, 1990, с. 398–399].

Эти мечты о будущем, при, казалось бы, внешнем сходстве, существенно отличаются от фантастической картины его (возможно, сна) в рассказе «Странный случай в Теплом переулке». В финале рассказа в диалоге автобиографического героя-писателя и молодых ученых хотя и с сомнением, но звучит слово «сон»: «Ведь виденное вами вы не будете сваливать на сон?» [Иванов, 1935, с. 9].

Будущая Москва, куда герои неожиданно попадают из заснеженного московского переулочка с одноэтажным кирпичным домом и стоящей около него женщиной в валенках, – нарядная, красочная. Город, поднимающийся «волнистыми террасами» в фиолетовое небо, не имеет «тех углов, которые они привыкли видеть в Москве. И крыши домов, и окна, и колонны, и очертания темно-желтой площади, лежавшей перед ними, – все это отчасти напоминало морской прибой». Возвышаются «синие бесконечные колонны», скользят «прозрачные машины», огромные здания освещаются «розовым светом» [Там же, с. 5]. Эта Москва у Иванова несет черты растрепанного в советской печати 1930-х гг. образа «светлого социалистического города», «заменившего старуху-Москву». Показательно стихотворение Н. Панова «В будущей Москве», напечатанное в том же номере журнала, что и рассказ:

Где горбились крыши три года назад,
Бегут вдоль домов
За террасой терраса,
За садом пушистый раскинулся сад.
Недавно еще и зловонны и гулки
Здесь были извилистые переулочки...
Рокочут зеленые аэродромы,
Синеют извилины водных колец...
[Панов, 1935, с. 53–54].

Но есть у будущего, по Иванову, и другая сторона. Первое, что слышат советские ученые, – это «крик миллиона или свыше голосов», идущий с неба, – требование, чтобы «страдальцы Эль-Готха были выпущены». Значения слова Эль-Готх ученые не знают (человек это или пустынная местность в Африке?), понятно только, что «жители Маршаловских островов, а также островов Тонга и Новой Каледонии требуют вместе со всеми, чтобы узники Эль-Готха были освобождены, так как жизнь их ни в какой степени не остановит движения за Советскую власть» [Иванов, 1935, с. 5]. Таким образом читатель узнает о существовании в будущем неких врагов Советской власти, хотя борьба с ними, в отличие от аналогичного

мотива в рассказе «Происшествие на реке Тун», представлена, скорее, иронически, нежели устрашающе: услышав крик, «пешеходы, пересекавшие площадь, люди в прозрачных машинах, люди, выскочившие из длинного серого поезда, который вдруг влетел на середину площади по длинной и блестящей медной трубе, – все они на мгновение остановились, замахали руками и ответили...» [Иванов, 1935, с. 5]. Точная дата написания рассказа неизвестна, скорее всего, это или конец 1934 г. (упоминается в тексте), или начало 1935 г. Реальным комментарием к данному эпизоду текста могли бы послужить различные события. В СССР в это время «врагами» именовались члены контрреволюционных организаций «Московский центр» и «Ленинградский центр», обвинявшиеся в убийстве С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Широкий международный резонанс (а текст Иванова указывает на это) имели, однако, другие события. Более вероятно, что фактической основой для сюжетной линии «страдальцев Эль-Готха» послужили арест в 1933 г. и высылка в Оренбург на два года французского писателя и публициста Виктора Сержа (настоящее имя – Серж Кибальчич) и его семьи. На протяжении нескольких лет, вплоть до 1936 г., когда его наконец выпустили из СССР, дело Сержа будоражило всю Европу, летом 1935 г. поднималось на Международном антифашистском конгрессе писателей в Париже. Ромен Роллан, вступившийся за Сержа, писал об этом Горькому 8 июня 1933 г.: «...дело Сержа стало символом. <...> Слишком много нелепостей распространяется по поводу Серж, его жены, ребенка и ужасного положения, в котором они находятся! <...> Вы не представляете себе, какой вред наносит СССР чуть ли не всемирный резонанс процесса, когда за неимением точных данных о виновности обвиняемого он предстает как невинная жертва» [Р. Роллан и М. Горький..., 1995, с. 267–268]. К судьбе Сержа Роллан возвращался в письмах от 20 июня 1933 и 17 ноября 1934 г.: «Мы не можем понять, по какой причине европейское общественное мнение оставляют в полном неведении в отношении предъявленных Сержу обвинений» [Там же, с. 298–299]. Из писем Горького известно, что он неоднократно обращался по поводу Сержа к Г. Г. Ягоде. Вс. Иванов, вхожий в дом Горького и имевший у него доверие, ездивший на конгресс в Париж, не мог не знать о деле Сержа.

Сюжет рассказа – «странное видение будущего города», о котором ученые-физики не хотят рассказывать писателю, товарищу Иванову (от его лица ведется повествование), несмотря на все его просьбы помочь созданию «великой нашей литературы», – пародия по отношению к литературной ситуации середины 1930-х гг. Прежде всего, пародией является безрезультатный разговор писателя и ученых, отсылающей к кампании 1934 г., направленной на сближение деятелей науки и литературы. 24 января «Литературная газета» сообщила: «Творческое содружество мастеров науки и художников слова, “спаренная езда” писателя и ученого, – одна из идей, выдвинутых за последний год А. М. Горьким, – начинает претворяться в жизнь». «Оплодотворением литературы научной мыслью» названа в печати состоявшаяся под Ленинградом встреча группы писателей с академиком А. Ф. Иоффе и другими учеными. Встреча прошла в рамках общей работы по осуществлению исследовательскими институтами научных консультаций для писателей (Литературная газета, 1934, 20 янв., с. 3). Науку представляли, помимо Иоффе, академик Н. Н. Семенов, профессора Я. И. Френкель, Я. Г. Дорфман, Д. Л. Талмуд, В. Н. Глазанов. Литературу – «серапионовы братья» Иванова: М. М. Зощенко, М. Л. Слонимский, В. А. Каверин, а также С. Я. Маршак. Помимо общей проблемы – «введение научной тематики в литературу» – обсуждались два недавно вышедших произведения: «Возвращенная молодость» М. М. Зощенко и «Скутаревский» Л. М. Леонова. На затянувшейся до двух часов ночи беседе о «прошлом, настоящем и будущем» предлагалось много замечательных идей: «соавторство: писатели и ученые делают одну книгу» (М. Слонимский), новые

темы, из которых первая – «история научного открытия» (Каверин, Слонимский), новые образы – ученый, физик (Каверин). На физику вообще возлагалось много надежд. Ее, по мнению Йоффе, «стоило бы выбирать для начала нашей совместной работы», ибо «сейчас в наше время совершаются физиками поистине перевороты», происходит «переход к новым масштабам. Мы получили новые представления о Гулливере» (Литературная газета, 1934, 24 янв., с. 3).

И литература начинает активно создаваться. 28 января 1935 г. «Литературная газета» печатает отрывок из книги А. Гарри и Л. Кассиля «Потолок мира», где, в частности, утверждается: «...мы похоронили старую, чумазую, лапотную и нищую Россию», построив «красавцы-заводы», вспахав и убрав тракторами и комбайнами «возрожденные социалистические поля» и запустив в небо стратостат «СССР». Сопроводительная статья А. Селивановского открывалась словами: «Никогда не бывало времени, которое давало бы так много пищи для полета фантазии художника, как наше время». Простирающееся же впереди будущее, как определялось в той же «Литературной газете», – это «новый общественный строй, сверкающий всеми красками подлинной человеческой радости» (Литературная газета, 1935, 20 июня, с. 1).

В рассказе Иванова, где нашли отражение практически все названные на встрече темы, образы «нашего времени» и будущего с первых страниц комментируются в совершенно другом ключе: ученые «почувствовали, что эти наши времена остались далеко позади, что предстоит много испытаний и горя» [Иванов, 1935, с. 5]. Абсолютно по другим художественным законам строится Ивановым и история выдающегося научного открытия, которое демонстрирует профессор Шерстобитов из будущего СССР: «Профессор предлагал уменьшить человеческий рост наполовину. <...> ...умственные способности человека остаются такими же, как и прежде, физическая сила та же, но потребности в пище, в жилище, а главное в пространстве сокращаются наполовину. От кроликов профессор перешел к человеку и первый опыт проделал на самом себе». Великий ученый, вполнину ниже своих малолетних детей, шагает по древним улицам города Великий Устюг, громко сморкаясь от смущения, а дома, чрезвычайно удрученная его поступком, плачет его «малорослая» жена [Иванов, 1935, с. 7]. Анекдотичность поступка «малорослых» тем более очевидна, что в 1934–1935 гг. в печати, напротив, постоянно обыгрывалась параллель: советские люди – великаны. «Если бы Гулливер попал теперь в нашу страну, ему показалось бы, что он снова в Бробдингегге, в стране великанов, <...> особенных великанов – одного с ним роста, но на много выше, сильнее, мощнее его, обыкновенного человека» [Гус, 1935, с. 78]; «Гулливер, попади он к нам, принял бы нас за расу великанов, далеко пошедшую вперед» [Там же, с. 79]. Показательно, что как раз в это время на экранах страны идет фильм «Новый Гулливер» – кукольная мультипликация, где Гулливера заменил советский пионер Петя. Эпизоды из фильма пользуются огромным успехом на международной киновыставке осенью 1934 г. в Венеции (см.: 30 дней, 1935, № 1, с. 82–83).

Пародийность рассказа Иванова по отношению к общему настрою середины 1930-х гг., направленному на «неустанное одоление трудностей, <...> непрерывное развитие духовных и физических способностей» [Гус, 1935, с. 79], к образу всемогущего советского ученого, который, по словам Йоффе, «чувствует громадные возможности»: «Сделаешь – жизнь пойдет по одному, не сделаешь – пойдет по-другому» (Литературная газета, 1934, 24 янв., с. 3), проявляется в тексте на разных уровнях. Геофизик Бадьин, мечтающий создать «всеобщую физику мира», привозит из будущего только мышь, завязанную в платок, которая «ничем не отличается от тех мышей, которых мы часто видим в зубах нашей кошки» [Иванов, 1935, с. 9]. Молодые ученые попадают на аукцион в «Дом Чудаков», где вы-

ставлена на продажу «обыкновенная спичечная коробка с серой этикеткой, на которой в лучах неся черный аэроплан» (пародийная отсылка к идеям воздухоплавания как поднятия потолка мира), а под ним: «Цена 3 коп, имени Демьяна Бедного». Их принимают за артистов кино, изображающих «наивных провинциалов, попавших в столицу», с которыми будут происходить смешные приключения. Более всего оскорбляет Бадьина, что «вдруг самое потрясающее новое повернулось к ним сейчас своей самой неинтересной стороной – чудаческой» [Иванов, 1935, с. 8].

Интересно, что на аукционе в «Доме Чудаков» в качестве «древности» продается рукопись романа Л. Леонова «Вор». Иванов хорошо знал роман «Вор», переключки с ним есть в его книге «Тайное тайных» (1927). Во время работы Иванова над «Тайное тайных» и Леонова над «Вором», в 1925 г., оба писателя дружили, активно общались с С. А. Есениным, потом вместе стояли у его гроба. В 1927 г. практически одновременно оба писали Горькому, отрекаясь от «мечты напрасной», от «мятущейся русской души»: «Работать надо, делать вещи, пирамиды, мосты» (письмо Л. Леонова от декабря 1927 г. [Горький и советские писатели..., 1963, с. 252]. Продолжая изучение литературного контекста произведений Вс. Иванова, к которому на новом этапе научного знания обратилась Л. П. Якимова в статьях, посвященных общим мотивам в творчестве Л. Леонова и Вс. Иванова [Якимова, 2015], К. Федина и Вс. Иванова [Якимова, 2016], отметим, что и в раздумьях писателей о будущем в середине 1930-х гг. можно увидеть любопытные переключки.

Летом 1935 г. была закончена работа Л. Леонова над романом «Дорога на Океан» (впервые: Новый мир. 1935. № 9–12), рассказ Вс. Иванова напечатан в мае 1935 г. Вряд ли можно в данном случае говорить о непосредственных откликах одного писателя на произведение другого. Скорее всего, и Иванов, и Леонов идут сходными путями в оценке того будущего, образ которого настойчиво предлагается эпохой. В романе «Дорога на Океан» будущее представлено не в виде сна, но также в форме вставного эпизода – это совместные «шутливые воображаемые путешествия за пределы видимых горизонтов» [Леонов, 1936, с. 115], которые совершают некий безымянный я-повествователь, судя по контексту, – писатель, появляющийся только в эпизодах посещения Океана – страны будущего, и Алексей Никитич Курилов – главный герой романа, начальник политотдела крупной железной дороги. Как и у Иванова, будущее в романе Леонова отличается необыкновенный технический взлет, что в целом характерно для идейной установки 1930-х гг. Описание главной из четырех столиц нового мира, заменившей «почетную музейную старуху» Москву, в романе Леонова корреспондирует с ивановским городом будущего («...на невидимом телеэкране, преувеличенные и почти трехмерные, появлялись представители народов, стран, материков...») [Там же, с. 453]), также соединяя восхищенный пафос и иронию: «Там было много турникетов, воздухоплавательных аппаратов в виде крылатых байдарок, от одного вида которых поташнивало, зданий с глазурованными скобами на дверях, похожими на причалы для океанских кораблей; многоярусных улиц в официальной части города, получивших здесь третье свое измерение; уборных с фамилиями всех палачей китайского народа в сточной канаве...» [Там же, с. 140]. Присутствует в романе Леонова и вторая константа ивановского образа будущего – война за Советскую власть, имеющая, как и у Иванова, всемирный масштаб: упоминается «предпоследний тур мировых войн» [Там же, с. 131], которые ведут два мира – Старый Свет и Федерация социалистических республик. В раскрытии этой составляющей будущего Леонов избегает каких бы то ни было средств комического, подчеркивая трагизм происходящего, перед которым меркнет даже проявленное во время войны героísmo: «...тридцать шесть миллионов вооруженных людей,

одновременно поражающих друг друга, не могут стать предметом восхищения ни историка, ни поэта» [Леонов, 1936, с. 320]. «Предпринятый писателем футурологический экскурс при всей неизбежности его связи с утопическим изводом поражает силой творческой прозорливости», – отмечает Л. П. Якимова [2011, с. 8]. Вводные эпизоды в произведениях Леонова, в том числе и в романе «Дорога на Океан», по словам исследователя, «как бы предупреждают строителей нового мира об опасности безоглядного самообольщения успехами технического прогресса, трагически непреодолимого разрыва между желаниями и возможностями человека, благими намерениями и действительными результатами» [Там же, с. 130].

Однако в других эпизодах повествования о будущем у Леонова присутствует, как и у Иванова, пародийный элемент. Описание нелепого происшествия с рассказчиком, которого в столице будущего «втянуло в гигантский магнитный пылесос», изобилует комическими и ироническими деталями: «Толпа зевак, мальчишек, уличных фотографов, этой публики третьего разряда, окружила нас. Напрасно я кричал им, что друг мой, Алексей Никитич, является начальником политотдела большой дороги, а следовательно, и на меня распространяется сияние его святости. Ничто не помогало. Няньки показывали на нас своим детишкам, как на плененных обезьян. Другие ребята <...> не очень метко плевали мне на шляпу» [Леонов, 1936, с. 140–141].

Выскажем предположение, что пародийный элемент в текстах о будущем у обоих писателей выполняет сходную роль. У Иванова молодой физик Бадьин, в финале рассказа отвергая «чуждое» в будущем, по сути, вообще ставит под сомнение значимость «новой фантазии нового человечества, фантазии победившего социализма» [Гус, 1935, с. 78], развитие которой так приветствовалось в середине 1930-х гг. Писателю Иванову в ответ на его предложение «проследить истоки биографий <...> героев будущего», которые в настоящем еще младенцы: «Молодой писатель сможет наблюдать за молодостью великого ученого, и под старость воспоминания будут для него и отличным куском хлеба, и приятным знаком внимания окружающих», – Бадьин говорит о необходимости, наоборот, смотреть в настоящее: «Я полагаю, что наблюдения за любым человеком нашей страны будут писателю не менее полезны...» [Иванов, 1935, с. 9]. Леоновский диалог Курилова и «литератора» также направлен на корректировку того образа будущего, который предлагался временем, придание ему, так сказать, человеческого начала. На возмущенные слова Курилова: «...вы клевете на детей будущего, литератор!.. и, кроме того, зачем вы всюду ищете сор?» – я-повествователь отвечает: «Хотя бы затем, что это и указывает на присутствие *живого* человека!» [Леонов, 1936, с. 141].

Подытоживая наши размышления об образе будущего у Вс. Иванова, отметим следующее. Нельзя сказать, чтобы Иванов – мечтатель, участник масштабных горьковских проектов, в какие-то периоды жизни, видимо, разделявший его идеи, – откровенно высмеивал «прометейство» 1930-х гг. Показательны его слова о Горьком, записанные в дневнике 18 мая 1944 г.: «И все же человек великий – и дай нам бог побольше таких. Я не встречал другого, кто бы с такой верой верил в невозможное: возможность перестроить мир и человека. Впрочем, вера тем и вера, чтобы верить в невероятное» [Иванов, 2001, с. 311]. Возможно, в иные моменты и Иванов хотел верить в то, что «каждый день ускоряет движение человечества к социализму, наполняя нас радостным сознанием подъема силы, преодоления, казалось бы, непреодолимого» (Литературная газета, 1934, 12 апр., с. 1). Эти слова писателя из интервью, напечатанного, как и высказывания К. А. Федина, Ю. Н. Тынянова, А. С. Серафимовича, А. Н. Толстого, в «Литературной газете

12 апреля 1934 г. в связи со спасением челюскинцев, под общим заголовком «Блестящая победа советской авиации», думается, искренние.

В то же время реальность чаще давала возможность для скептических умозаключений. Приведем два сна о будущем, которые Иванов запишет в дневнике летом 1937 и весной 1938 г. В первом на фоне примет «нашего времени»: «аэродром, белое громадное зало», заинтересованные ученые, – появляются привычные для ивановского образа будущего черты: «Входишь в громадного стального человека: много врагов, идет война, вам надо спастись. <...> Памятник Сталину, Горькому, переулоч – хвалить не могу» [Иванов, 2001, с. 40]. Напомним, что в рассказе «Странный случай в Теплом переулочке» вдоль гигантского проспекта стоит множество памятников, а в центре площади «возвышается памятник неизвестному монголу, опирающемся на красное знамя» [Иванов, 1935, с. 6].

Действие второго сна происходит в «эру коммунизма»: некие «неоромантики», «писатели-реакционеры», подписали адрес – «требуют восстановления капитализма на острове А.». Власть соглашается. И вот: «Сцены восстановления капитализма. Первая жертва эксплуатации. <...> Первая насильственная смерть. Война. Всё начинается всерьез, и все забыли, что существует высший арбитр, появление легенд, национализма, фашизма и так далее – восстание эксплуатируемых, быстрые фазисы. Родина!..» [Иванов, 2001, с. 40–41].

Список литературы

- Всеволод Иванов. «Бронепоезд 14-69»: контексты эпохи / Отв. ред. Н. В. Корниенко, сост. Е. А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2018. 736 с.
- Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 736 с. (Литературное наследство. Т. 70)
- Гус М. Люди тридцатых годов // 30 дней. 1935. № 4. С. 76–79.
- Иванов Вс. Дневники / Отв. ред. А. М. Ушаков, сост. М. В. Иванов, Е. А. Папкива. М.: Наследие, 2001. 492 с.
- Иванов Вс. Кремль. У. Романы. М.: Сов. писатель, 1990. 525 с.
- Иванов Вс. Странный случай в Теплом переулочке // 30 дней. 1935. № 5. С. 3–10.
- Леонов Л. Дорога на Океан. М.: ГИХЛ, 1936. 628 с.
- Нагорная Н. А. Онейросфера в русской прозе XX века. Модернизм, постмодернизм. М.: Макс-Пресс, 2006. 260 с.
- Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / Отв. ред. Е. А. Папкива. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
- Панов Н. В будущей Москве // 30 дней. 1935. № 5. С. 53–54.
- Р. Роллан и М. Горький. Переписка (1916–1936). Архив А. М. Горького. Т. 15. М.: Наследие, 1995. 543 с.
- Слоним М. Портреты советских писателей. Paris: Parabola, 1933. С. 62–73.
- Якимова Л. П. Вводный эпизод как структурный элемент художественной системы Леонида Леонова. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 251 с.
- Якимова Л. П. Повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» и Леонида Леонова «Конец мелкого человека» в аспекте сопоставления // Сибирский филологический журнал. 2015. № 3. С. 37–47.
- Якимова Л. П. Рассказы Всеволода Иванова «Плодородие» и Константина Федина «Тишина»: литературный диалог // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 177–187.

E. A. Papkova

A. M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

Dreams about the Future in Vsevolod Ivanov's Prose 1920–1930s

The article considers the ideological and aesthetic role of dreams about the future in the works of Vsevolod Ivanov of different years. Already in the legend “Yermak’s dream” (1916) defined semantic constants, which will be characteristic for dreams about the future in the stories “The Accident on the River Thun” (1925) and “A strange case in the Warm Lane” (1935), as well as in the diary records 1937 and 1938. The future is characterized by an extraordinary technical take-off, which, however, does not bring with it the spiritual development of people: the struggle of ideological opponents continues, it becomes even more merciless. It is significant that presented in the story “The Accident on the Thun River” the image of the future in the perception of the hero-narrator essentially differs from the «good life» that male-partisans dream in the “Partisan stories” of the writer. Revealed real context storytelling – the events of 1919 in Siberia, a witness and participant which was V. Ivanov, – partly explains the features of sinister dystopia inherent the image of the future. In the 1930s, despite the active participation of V. Ivanov in A. M. Gorky’s social and literary projects aimed at the creation of the future of Soviet Russia, his image, presented in the story “A strange case in the Warm Lane”, keeps those semantic constants, which we called. However, in the text of the 1930s they are presented not scary, but ridiculous. The ongoing struggle to free the “prisoners of El Gotha” does not look ominous, it is mainly manifested in the “powerful shouting” and “waving of arms”. The great scientific discoveries of the future, the achievements of scientists and the possibility of their collaboration with writers, to which attracted so much attention in the current periodicals of the era, are given by V. Ivanov in a parody key: the relationship of autobiographical hero and young physicists, the realities of the future Moscow (for example, the House of Eccentrics), from which only an ordinary mouse gets into the present, and others. The outstanding scientific discovery of a professor from the future of the USSR aimed at cost-beneficial reduction of growth of a person while preserving his mental abilities, parodying the attitudes of the era 1930s to create a “race of giants”. At the same time in the dreams of V. Ivanov’s characters (in the novel “U”, for example) the image of the future preserves peculiar to the time light, sublime features. The article is held the parallel between the images of the future in the works of V. Ivanov and L. M. Leonov (in the novel “The Road to the Ocean”) of the 1930s. Almost simultaneously Writers question the technical progress, “the construction Christian Paradise” (L. Leonov) by the forces of living people with inevitable limited by life itself and human nature opportunities.

Keywords: dreams about the future, dreams, semantic constants, dystopia, parody, installation of the era, literary parallels.

References

- Gorkiy i sovetskie pisateli. Neizdannaya perepiska [Gorky and Soviet writers. Unpublished correspondence]. Moscow, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1963, 736 p. (Literary heritage. Vol. 70). (in Russ.)
- Gus M. Lyudi tridsatykh godov [People of the thirties]. *30 dney [30 days]*, 1935, no. 4, p. 76–79. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Dnevnik [Diaries]. Moscow, Heritage, 2001, 492 p. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Krem!. U. Romany [Kremlin. W. Tsyganskiy]. Moscow, Soviet writer Publ., 1990, 525 p. (in Russ.)
- Ivanov Vs. Stranny sluchay v Teplom pereulke [A strange case in the warm alley]. *30 dney [30 days]*, 1935, no. 5, p. 3–10. (in Russ.)
- Leonov L. Doroga na Okean [Road to the Ocean]. Moscow, 1936, 628 p. (in Russ.)
- Nagornaya N. A. Oneyrosfera v russkoy proze XX veka. Modernizm, postmodernizm [Neurosphere in Russian prose of the twentieth century. Modernism, postmodernism]. Moscow, Max-Press, 2006, 260 p. (in Russ.)
- Neizvestnyy Vsevolod Ivanov. Materialy biografii i tvorchestva [Unknown Vsevolod Ivanov. Materials biography and creativity]. Moscow, IMLI RAN, 2010, 784 p. (in Russ.)

Panov N. V budushchey Moskve [In the future Moscow]. *30 dney [30 days]*, 1935, no. 5, p. 53–54. (in Russ.)

R. Rollan i M. Gorkiy. *Perepiska (1916–1936)*. Arkhiv A. M. Gorkogo [R. Rolland and M. Gorky. *Correspondence (1916–1936)*. Archive A. M. Gorky. Vol. 15]. Moscow, Heritage, 1995, 543 p. (in Russ.)

Slonim M. *Portrety sovetskikh pisateley [Portraits of Soviet Writers]*. Paris, Parabola, 1933, p. 62–73. (in Russ.)

Vsevolod Ivanov. «Bronepoezd 14-69»: konteksty epokhi [Vsevolod Ivanov. “Armored train 14-69”: contexts era]. Moscow, IMLI RAN, 2018, 736 p. (in Russ.)

Yakimova L. P. *Povesti Vsevoloda Ivanova “Vozvrashchenie Buddy” i Leonida Leonova «Konets melkogo cheloveka» v aspekte sopostavleniya [The stories of Vsevolod Ivanov «The Return of the Buddha» and Leonid Leonov “The End of the Small Man” in the aspect of comparison]*. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 3, p. 37–47. (in Russ.)

Yakimova L. P. *Rasskazy Vsevoloda Ivanova “Plodorodie” i Konstantina Fedina “Tishina”: literaturnyy dialog [Stories of Vsevolod Ivanov “Fertility” and Konstantin Fedin “Silence”: literary dialogue]*. *Syuzhetologiya and syuzhetografiya*, 2016, no. 2, p. 177–187. (in Russ.)

Yakimova L. P. *Vvodnyy epizod kak strukturnyy element khudozhestvennoy sistemy Leonida Leonova [Introductory episode as a structural element of the artistic system Leonid Leonov]*. Novosibirsk, Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, 251 p. (in Russ.)

Elena A. Papkova – Candidate of Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of the World Literature of the Russian Academy of Sciences (25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation, elena.iv@bk.ru)